

Александр Валентинович Амфитеатров

Вербы на Западе

Александр Амфитеатров

Вербы на Западе

«Public Domain»

1904

Амфитеатров А. В.

Вербы на Западе / А. В. Амфитеатров — «Public Domain», 1904

«Народ французский освятил Вербное воскресенье нежным и красивым именем „Цветочной Пасхи“, – Raques-fleuries. Это – праздник первой весны. Церкви и дома благоухают цветами; всюду – букеты из маргариток, скромного лугового цветка, одноимённого, по-французски, приближающемуся празднику праздников (Raquerette). В сёлах, ещё не вовсе растлённых „концом века“, крестьяне в праздничных одеждах посещают кладбища, где спят их отцы святят над их могилами вербы и, возвратясь с погоста, набожно укрепляют священные ветви над кроватью, между образками Спасителя и Божьей Матери...»

© Амфитеатров А. В., 1904

© Public Domain, 1904

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Александр Амфитеатров Вербы на Западе

Народ французский освятил Вербное воскресенье нежным и красивым именем «Цветочной Пасхи», – *Raques-fleuries*. Это – праздник первой весны. Церкви и дома благоухают цветами; всюду – букеты из маргариток, скромного лугового цветка, одноимённого, по-французски, приближающемуся празднику праздников (*Raquerette*). В сёлах, ещё не вовсе растрёпанных «концом века», крестьяне в праздничных одеждах посещают кладбища, где спят их отцы святят над их могилами вербы и, возвратясь с погоста, набожно укрепляют священные ветви над кроватью, между образками Спасителя и Божьей Матери. В Париже, накануне Вербного воскресения, пристань св. Николая в Лувре ещё недавно бывала завалена горами зелени, сплавляемой в столицу на судах по Сене. Несмотря на обильный привоз, зелень раскупали нарасхват, в несколько часов. Весь Париж зеленел: паперти, перекрёстки улиц, фонтаны, окна магазинов; у мужчин – ветки зелени в петлицах, у дам – букеты у пояса; кучера украшали зелёными султанами головы своих лошадей, водовозы оплетали травяными гирляндами свои бочки. *Amédee de Ponthieu*, автор интересной книги «*Les Fêtes légendaires*», характеризует Вербное воскресенье в Париже шестидесятых годов словами: «Атеисты, деисты, добрые католики и даже животные все справляют на свой лад праздник в честь грядущего во славе Бога – в честь воскресшей весны».

Празднование Вербного воскресения началось на Западе не ранее VI века по Р. Х., т. е. с распространением христианства на галльский, германский и славянский север, в недавнем язычестве своём привычный к празднествам весны, возрождающей столь дорогую сердцу дикаря растительность леса и степи. В странах католических Вербное воскресенье носит название «праздника пальм» – *le dimanche des palmes*, в воспоминание пальм, которые, девятнадцать веков тому назад, жители Иерусалима повергали под копыта осляти, привёзшего к ним Господа Христа. В северных округах Франции пальмы заменяются, как и у нас, вербою или, ещё чаще, буксом – деревцом из породы молочайных, вечно зелёным, и зиму, и лето. *Vixus sempervirens*, определил его Линней. Почему он всегда зелен, – о том есть легенда.

«Когда Иисус, на кресте, испустил последний вздох, вся природа омрачилась, весь мир содрогнулся. Кровавые облака затмили солнце. Заблестали пламенные зигзаги синей молнии. Пропасти разверзлись. Люди, животные, птицы, в страхе прятались по дёбрям и трущобам. Ни одна стрекоза не пела, ни один кузнечик не трещал, ни одна муха не жужжала. Мёртвое молчание давило всю природу. Только деревья, кусты и цветы шептались между собою.

И сказала пиния пустыни Дамасской:

– Он умер. Отныне, в знак траура, я навеки оденусь в тёмную хвою и буду расти, как отшельница, в степях, далёких от жилищ человеческих.

Сказала вавилонская ива:

– Он умер! Ветви мои! склонитесь, в знак печали, к водам Евфрата. Каждую зарю я буду плакать о Нём слёзною росой.

Сказала виноградная лоза улыбающегося Сорренто:

– Он умер. В знак горя, я стану теперь приносить гроздь, чёрные, как уголь, а вино, выжатое из моих плодов, получит название слёз Христовых¹.

Кипарис с горы Кармила сказал:

– Он умер. В свидетельство скорби, я сделаюсь деревом кладбищ, хранителем всех смертных горестей.

Тис, и прежде тёмный, почернел ещё более и сказал:

¹ Лакрима Кристи.

– Он умер. В знак тоски по Нем, я тоже посвящаю себя гробам и могилам. Горе пчеле, которая коснётся моих отравленных скорбью цветов: она умрёт. Горе птице, которая сядет на мои ветви: она умрёт. Горе человеку, который дышит моими испарениями: он умрёт².

Ирис сказал:

– Он умер. С этого дня я покрою свою золотую чашечку фиолетовым крепом.

Повилика сказала:

– Он умер. В память Его я стану каждый вечер закрывать свой душистый венчик и открывать его только по утру, весь полный ночными слезами.

Так плакались все растения. Дубы роняли жёлуди, фруктовые деревья – плоды, платан растерзал на себе свою красивую кору. Скорбели все – от мощного ливанского кедра до подснежника в роще, до анютиных глазок в поле. Только тополь, суровый и надменный, не принял участия в общей горе. Он говорил:

– Что мне до Него? Он умер за грешных, – я безгрешен. Смерть Его меня не касается!

Слова тополя услышал ангел, улетающий на небо, с золотой чашей, полною божественной крови, собранной на Голгофе. В наказание безжалостному дереву, он брызнул кровью на корни его и повелел:

– Ты не делишь горя всей природы – не делишь же тебе и её радостей! В тёплые летние дни, когда все остальные деревья будут мирно дремать под солнечными лучами, ты один будешь зябнуть и дрожать от корня до макушки; люди презрят тебя и станут с этих пор звать не тополем, но осиною³.

Букс рос в кавказском ущелье. Тяжкий вздох умирающего Бога долетел к нему с Голгофы и оледенил ужасом его сердцевину. Листья его потемнели, ветки стали корявыми и переплелись между собою, словно ища помощи и защиты друг у друга. В свою очередь, он произнёс обет:

---

² В Нормандии рассказывают, будто монахи одного аббатства вымерли оттого, что спали в комнате с полами из тиса.

³ Наши русские легенды объясняют вечную дрожь осины тем, что на ней повесился Иуда предатель. Народ никак не хотел, чтобы у Иуды хватило совести на самоубийство из раскаяния, и создал легенду, не без остроумия объясняющую смерть предателя корыстными соображениями, вполне в духе Иуды: «Повешусь, – думает себе, – пойду в ад; а Христос, как будет вызволять людские души из пекла, и мою вызволит!» Ни одно дерево не хотело принять на себя предателя, кроме осины: за то она и наказана. Другая легенда вешает Иуду на бузине, – за то она не годится для построек, и дьявол её любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.